

УМИРАЮЩАЯ ПАРТИЯ

"Рабочее знамя". Март 1908 год, No I

Три года тому назад, в разгар революционного движения, жила-была на свете одна революционно-"социалистическая" партия и, на свет божий глядячи, радовалась. "Посмотрите, какие у меня широкие хоромы", - хвасталась она, - "всякому там есть место, всякому готов приют и привет. Интеллигент, добрый чиновник, раскаявшийся дворянин, мужик-лапотник и рабочий-блузник - всем вход открыт; только одно требуется от них; поверь в социалистическое настроение трудового крестьянства, возлюби мужицкую общину больше самого себя - и тогда падут под ноги твоя всякие враги и супостаты. Помрет от испуга деревенский капитализм, когда миллионы мирских глоток заорут ему в уши: "Вся земля божья!". Рабочие, обеспеченные землей и не боящиеся наплыва безработных из деревни, схватят за ворот городских капиталистов и крикнут: "А ну, такие-сякие, устанавливайте законом обеспеченную минимальную заработную плату!" А социалистический интеллигент, освобожденный от паспорта и цензуры, будет безвозвратно разъезжать и к тем и к другим, говорить им, что плуг и ткацкий станок - родные братья, и что классовая борьба - простое недоразумение. И возродится помаленьку да полегоньку на земле мир, в человецех благоволение". Имя этой партии было - социалисты - революционеры, а конек-горбунок, на котором она надеялась перелететь от современного капитализма в светлое социалистическое царство, назывался социализацией земли. Но этот конек-горбунок, подобно всей лошадиной породе, нуждался в корме. А таким кормом и была вера в социалистическую душу трудового крестьянства, но испорченного вредным влиянием кулаков и мироедов, заботящегося о благе всего общества, всего "мира". "Современное крестьянство в подавляющем большинстве живет своим трудом; оно никогда не эксплуатирует, оно не расслаивается на враждебные экономические группы; оно однородно по своему составу и единодушно по своим стремлениям" - вот как гласило основное положение социалистов-революционеров. Если это положение верно, тогда и программа партии может рассчитывать на успех; если оно ошибочно, тогда не мыслима деревенская "четверть социализма", как называли социализацию некоторые социал-революционеры, тогда приходится, значит откинуть все свои самобытные планы, вступить на обычный путь мирового обще-пролетарского движения, а конька-горбунка отправить за ненадобностью на живодерню. Определить состав крестьянства - значило поэтому определить и судьбу своей социал-революционной партии. Для социал-демократов вопрос был решен. Еще в середине 80-х и начале 90-х годов земская статистика собрала массу материала, доказывавшего с очевидностью, что прежнего мужика - хлебороба не осталось и в помине. Фабрично-заводская промышленность и рост капитализма в сельском хозяйстве успели расслоить крестьянство на несколько групп, различных по своей обеспеченности и по своим интересам. Безлошадный пролетарий, полуголодный мелкий крестьянин, богатей-промышленник - все они беспорядочно перемешались в том самом "деревенском миру", который раньше казался однородной массой армяков и зипунов. Только круговая порука, выполнение повинностей и общая разверстка земли связывали в едино это сборище разорившихся, разоряющихся и наживающихся собственников. Было ясно, что их нельзя повести по одной дороге, и что проповедь социализма может встретить сочувствие только в чисто пролетарской части деревни. Было, кроме того, ясно, что никакими мерами это расслоение предотвратить нельзя, ибо вызывается оно не случайными причинами, а всем вообще развитием капитализма. "Трудовое крестьянство", как понимают его социал-революционеры, не существует больше - так гласили факты самой жизни.

Но цифры можно было, при желании, перетасовывать. Молчальник земли русской продолжал пахать землю и вносить подати, кормить генералов, а насчет социализации земли хранил упорное молчание. Пришла революция, и вместе с ней напор мужика на барина. Запылали господские усадьбы, началось бегство помещиков в города - деревня приготовлялась схватить за горло векового врага и раз навсегда покончить с ним счеты. Социализация сделалась ходячим словом, и в сотнях приговоров стала повторяться одна и та же фраза: "Земля - божья". Социал-революционеры воспряли духом. "Врут ваши цифры", - кричали они социал-демократам. "Настоящая подлинная мужицкая душа вот в этих приговорах, в этих бунтах, руководимых мыслью о социалистической правде - справедливости.

Затем "иллюминация" кончилась, бары вернулись в свои родовые гнезда и принялись за усмирение и обуздание. Два года прошло и принесли они много нового и неожиданного. Реакция торжествовала и благополучно длится до сих пор. Почему же так быстро исчерпался запас революционной силы, который веками копился в душе "трудового крестьянства"? И невольно напрашивалось сравнение русского крестьянского движения с курляндским и лифляндским, например,